

Фигуры знания в пространстве сообщества

В современном научном дискурсе гетерогенный характер отношений фиксируется представлением об обществе как о «пространстве», которое никогда не дано само по себе, в качестве некоего вместилища. Такое пространство образуется экономией смежных, но различаемых значений. Замкнутость системы коммуникации на самой себе при разнообразии форм отношений выявляет ее фрактальный характер. Объекты, составляющие эту систему, являются самоподобными, но не тождественными, в связи с чем анализ такого пространства становится топическим в области понятий и топологическим в области конкретных отношений. Он исследует не отдельные сущности, а различные варианты сборок отношений и смыслов. Многообразие социальных связей предполагает выведение общих понятий из нескольких возможных состояний, одновременно сопричастующих относительно друг друга¹. Топологическая интерпретация множественной социальности исходит из ее непрерывности (вместо разделения по разным отсекам деятельности, знания и значимости), а изменение свойств ставит в зависимость от формы сборки отношений². Т. е. речь идет не только о соотношении понятий друг с другом, но и о соотношении самих отношений.

Образование любой формы происходит путем комбинации различных состояний, эффект взаимного наложения которых определяет структуру отношений. Поскольку участников всегда несколько, последовательность событий и реакций на них представляет собой континуум, или непрерывно преобразующиеся формы. Содержательные результаты этих преобразований

¹ Риман Б. О гипотезах, лежащих в основании геометрии // Об основаниях геометрии : сб. классических работ по геометрии Лобачевского и развитию ее идей. М. : Гос. изд-во технико-теорет. лит., 1956. С. 310–311.

² Delanda M. Intensive Science and Virtual Philosophy. London ; New York : Continuum, 2004. P. 27.

не только различны, но могут быть предположены заранее за счет повторения форм (чем в повседневной жизни пользуются опытные манипуляторы). Пространство возможных событий здесь является виртуальным. Это не гипотетическая абстрактная возможность появления некоего события из ниоткуда: она предопределена отношениями, формирующимися в зависимости от последовательности их размещения относительно друг друга³.

Потенциальная возможность исходит из «внутренних» резервов участника, процесса или события, без привлечения внешних условий. Виртуальность, напротив, предполагает вариативное раскрытие свойств и интенсивности событий посредством их присутствия в дифференцированной связи с внешними и смежными процессами. Они образуют линии коммуникации по различным уровням и направлениям социальной гетерархии, которые сжимаются и расширяются в ходе метастабильного воздействия участников друг на друга⁴. Гетерархичное строение социальности, в свою очередь, предполагает, что любой участник состоит в отношениях разной степени обратимости, проявляя свойства подчиненного элемента и свободного субъекта в зависимости от ситуации. Гетерархия образуется из множества совмещенных иерархий, элементы которых соединены сетевыми связями. В той мере, в какой отношения являются необратимыми, они являются общими, или внешними, для своих меньших, локальных частей и процессов. Обратимость, напротив, предполагает, что процессы принадлежат одному уровню, масштабу взаимодействия.

Подобная схема исключает модель классического самодостаточного субъекта, на которой возвращены все общественные науки. Его расположение в социальной «системе координат» становится сингулярным и определяемым относительно нескольких смежных состояний, возникающих в сопологающихся конфигурациях связей различных участников. Проявление свойств, таким образом, зависит от взаимного расположения участников и отношений⁵. Это

³ Бергсон А. Творческая эволюция. М. : Кучково Поле, 2006. С. 286–300.

⁴ Делез Ж. Различие и повторение. М. : Петрополис, 1998. С. 256–261.

⁵ Delanda M. Intensive Science and Virtual Philosophy. P. 14–17.

означает, что участник (и сообщество) никогда не дан сам по себе, в виде «атома», но всегда является ситуативной связкой отношений различной временной и пространственной протяженности — социемой, которая определяет локальность и рациональность его действий⁶.

Любое объединение людей является множеством, образующим подвижное пространственное и временное протяжения. Организация такого множества предстает в виде социематической фигуры, соединяющей воедино форму и содержание, функцию и сюжет отношений участников (даже если различие между ними лишь в занимаемых локальностях). Фигура не изображает сущности, она складывается из экстериорных связей⁷. В основе фигуры — подобие, или аналогия, форм пространственно размещенных отношений, чья множественность, тем не менее, предполагает разные содержания. О фигуре можно говорить вообще потому, что фигуративность сборки отношений оказывается тем внешним условием, которое задает свойства процессов организации и их содержание.

В связи с этим, например, качество и количество никогда не переходят друг в друга; любое количество всегда является некоторым качеством, а качество никогда не редуцируется до какого-то количества, поскольку соединение количеств, или сборка, — это качественная характеристика. Коммуникация взаимоподобных участников поддерживается инверсией отношений: одинаковые ценности, цели, средства отличны лишь объектами своего приложения, что и задает необходимые различия процессов и ситуаций. Это монады социального бытия, каждая из которых подобна всему общественному целому и «суть только перспективы одного и того же соответственно различным точкам зрения каждой монады»⁸.

⁶ Керимов Т. Х. Социальная гетерология. Екатеринбург : УралНаука, 1998. С. 111–119.

⁷ Lyotard J.-F. Discourse, Figure. Minneapolis ; London : Univ. of Minnesota Press, 2011. P. 268–276.

⁸ Лейбниц Г. В. Монология // Лейбниц Г. В. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1982. Т. 1. С. 413, 421–422.

«Одно и то же» указывает на типологическую общность социального бытия. Необратимость времени и собственная конечность придают участникам безусловность существования, переживаемую всяким, кто однажды умрет. Но их отношения являются не более (но и не менее) чем сериями взаимных рекурсий, повторением фигуративных состояний и ситуаций, которые, в свою очередь, сами служат лишь формами отношений.

Подобие и различие фигур предполагает смежность не только отношений, но и языков их описания. Формально-логическое описание общества, вне свойств участников и отношений, не является более точным, а нарративное, подчеркивая уникальность событий, — более сущностным по сравнению друг с другом. Представления, лежащие в основе формальных моделей, риторичны и зависят от игры значений, единственным критерием истинности которых является вера. В отсутствие эксперимента экономика, например, так и не смогла приблизиться к строгости естественных наук, хотя и подвергла себя значительной математизации⁹.

Формализация социального анализа предполагает не только подобие участников, но и линейность организации, где отношения проявляют себя всегда одним и тем же способом и с одинаковыми результатами, а основным методом познания является экстраполяция. Строгость формального языка мнима именно в связи с неспособностью обнаружить социальные топосы и динамику их структурирования, нарушающие линейную последовательность. Подобие не означает одинаковости, тождественности, а устройство отношений непосредственно влияет на их свойства и результаты взаимодействия, перманентно их изменяя.

Риторическая интерпретация фигур политики и экономики, в свою очередь, является топической, исследуя исторически повторяющиеся типы, «мотивы» и «сюжеты» структурирования сборки

⁹ Макклоски Д. Н. Риторика экономической теории // Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М.: Высш. шк. экономики, 2011. С. 294–320.

отношений¹⁰. Стоит только зафиксировать в истории или политике некие устойчивые структуры отношений, в дело вступает нарративная организация их описаний¹¹. И верно, когда у нас имеется практически бесконечный ряд событий, к которому могут добавляться все новые и новые исторические детали, возникает закономерный вопрос о том, как они могут быть упорядочены, или почему люди в ходе какого-то события поступили так, а не иначе. В итоге вместо доступа к реальным фактам, даже несмотря на множество материальных свидетельств, имеешь дело с идеологизированными дискурсами, состоящими из различных фигур речи, которые свидетельствуют не только об обсуждаемых фактах, но и о социальной позиции того, кто их обсуждает.

Метафора (как и метонимия) — аналог пространственно и временно расположенных отношений, уподобляющий их «общим местам» риторических построений (в связи с чем точное определение метафоры невозможно)¹². Образование метафоры путем сочленения множественных значений и смыслов происходит так же, как и композиция социальных отношений, т. е. их объединяет не тождество содержания, а тождество операции различения, которое само по себе содержания не несет. Интеллектуальное знание, по рефлексивному обыкновению, стремится изгнать образность мышления, считая его украшательством некоей «чистой» мысли. Но все же точнее было бы сказать, что фигуративные образы являются отсылкой языка к неязыковым событиям, тем аспектам отношений, анализ которых не исчерпывается языком, а предполагает существование конкретных тел, социальных множеств, реагирующих друг на друга по факту присутствия. Коннотативная избыточность языка указывает на множество реальных и виртуальных отношений, в которых находятся люди и их дискурсы, превозмогая

¹⁰ Блок М. Апология истории. М. : Наука, 1973; Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М. : РИО БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 115–142.

¹¹ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 7–33.

¹² Рикер П. Живая метафора // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 435–444.

унылую роль денотативной передачи информации. При этом язык не замещает неязыковые события, а «облепляет», симулируя, изображая их текстуальное подобие, исток которого никогда не выводит за границы языка¹³.

Как вывод, любая система отношений и обозначений неполна. Фигуры — это замкнутые на себя «странные петли», чья самоорганизация обосновывается внешними сериями значений, другими фигурами и другими языками описания¹⁴. Объект виден не полностью, и поскольку взгляд на него есть продолжение нас самих, то и свойства видимых объектов есть продолжение наших свойств и социем, которые мы с ним образуем¹⁵. Рассуждая в другой традиции, можно сказать, что фигура — это лицо, значение выражения которого составляется путем совмещения экстернорных отношений, и которое само по себе, до встречи с нами, не имеет значения и ни о чем не говорит¹⁶. В процессе коммуникации, или передачи значения означаемых посредством означающего, заимствуется только форма. Содержание, или означаемое, образуется в отношениях формы (означающего) и формы получателя сообщения (участника)¹⁷.

В этом случае нельзя говорить о разделении субстанции и формы, как это происходит в семиологии Ф. де Соссюра. Версия Соссюра — это исключительно временное измерение означающего, восходящее к звучанию голоса, аналогичному значению платоновской Идеи как некоего сущностного истока и, как ни удивительно, аналитической версии языка как передатчика информации¹⁸. Передача значения здесь является линейной и не учитывает ни обратной связи восприятия, ни изменения участников

¹³ *Derrida J.* White Mythology: Metaphor in the Text of Philosophy // *Margins of Philosophy*. New York : The Harvester Press Ltd., 1982. P. 261–271.

¹⁴ *Хофштадтер Д.* Гедель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда. Самара : Бахрах — М, 2000. С. 666–675.

¹⁵ *Lyotard J.-F.* Discourse, Figure. P. 3–7.

¹⁶ *Левинас Э.* Избранное. Тотальность и Бесконечное. М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. С. 202–203, 210–211.

¹⁷ *Женнет Ж.* Фигуры : в 2 т. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1. С. 206–209.

¹⁸ *Деррида Ж.* О грамматологии. М. : Ad Marginem, 2000. С. 164–176.

в процессе коммуникации. Напротив, коммуникация, передача и создание значений всегда множественны и гетерогенны. Деление на субстанцию и форму (или содержание и выражение) является методологическим приемом. Любая форма субстанциальна, проявляя различные свойства в разных плоскостях, или фигурах рассмотрения.

Временные характеристики движения и длительности непосредственно формируют пространственные характеристики размещения и расположения означаемого в означающем. Т. е. образ — это выполняемое различием пространственное членение времени, в ходе которого созидается значение. Изменяющиеся во времени структуры коммуникации имеют пространственное строение, в самых простых формах воспроизводя метрические, а в сложных — топологические свойства. Время в простых формах проявляет свойства дискретности, а в сложных — длительности¹⁹. Коммуникация является экономией многообразия смежных форм, структура отношений которых предстает упорядоченной или разрозненной в зависимости от масштаба сопоставления и соотносимых множеств. Т. е. одна и та же форма в соответствии с ситуацией (расположением, отношениями означающих) будет иметь различное значение (содержание), статистически образуясь путем масштабирования процессов коммуникации. Подобие форм предполагает их взаимно неоднозначное соответствие²⁰. Таким образом, мимесис социального общения посредством подобия разных форм (или подобия форм в разных локальностях) образует самопорождающую систему отношений взаимных инверсий.

Отсюда следует невозможность классической, прозрачной, для себя всегда понятной рефлексии с ее претензией на очевидность истины. Эта очевидность основывается на подобии, скрывающем различия в расположении отношений. В свою очередь,

¹⁹ Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М. : Смысл, 1998. С. 473–474.

²⁰ Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М. : Изд-во иностр. лит., 1960. С. 305.

расположение отношений обуславливает их интенсивность²¹. Скорее, путь рефлексии — бесконечная лента Мебиуса, чье оборачивание создает новые ситуации (смыслы), делая видимыми объекты познания. Однако подобие смежных форм социальных процессов позволяет осуществлять конвертацию форм описания различных сборок отношений. Они вложены одна в другую и сопоставимы, несмотря на разную интенсивность, масштабы и локализацию взаимодействия процессов²². Фрактальность участников и отношений реализует гетерархию сообщества, различие и повторение которого производит обобщения и детализацию взаимодействия, избегая при этом замыкания на отдельных аспектах. Разница в восприятии зависит от положения участника, или масштаба описания, но подобие форм позволяет не утонуть в деталях, а сконцентрироваться на различиях сборок, выявляя их типичные и уникальные (представляющие другие серии событий, между собой также типичные) черты²³.

Естественно, здесь встает проблема определения причинности процессов и событий, формулировка которой могла бы указать на их одновременно множественный и организованный характер. Картезианская модель каузальности, разделяемая повседневным мышлением, подходит для описания дискретных объектов, границы которых четко определены, а результаты однозначны и известны заранее. Причина приписывается событию через фиксированные дуальные связи «стимул — реакция», исходя из имплицитного предположения очевидности «после — значит вследствие». Если таким путем можно определить, как и почему камень разбил окно, то определение того, почему он был брошен, уже неочевидно и в известной мере является конвенциональным соглашением,

²¹ Деррида Ж. Сила и значение // Деррида Ж. Письмо и различие. М. : Академический проект, 2000. С. 42–45.

²² Гуссерль Э. Начало геометрии. Введение Жака Деррида. М. : Ad Marginem, 1996.

²³ Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. М. : Ин-т компьютер. исслед., 2002. С. 35–37.

некоей абстрактной общей идеей, чья связь с вещами отнюдь не очевидна²⁴.

Причинность множественна и сингулярна, проявляясь действием эффекта совмещения смежных процессов, которые дифференцированы во времени и пространстве. Это означает, что, тогда как сами процессы реальны, их каузальная организация виртуальна, будучи способной замещать и совмещать различные события, изменяя их свойства в зависимости от последовательности и локализации²⁵. Смежность экстериторных процессов не позволяет установить постоянную или безусловную причину для каждого события или системы отношений. Вместо этого задача анализа состоит в выявлении ареалов распределения интенсивностей, вызываемых локальным преломлением метастабильных процессов преобразования типичных форм (проще говоря: калейдоскоп).

Здесь востребованной становится аристотелевская теория причинности: четыре причины, на которые указывает Стагирит, являются, если исходить из их сингулярного характера, разными аспектами организации отношений²⁶. «Что», «из чего», «откуда», «ради чего» — не отдельные замкнутые субстанции в пределах умозрительных родов бытия, а экономия (соотношение частей и целого) смежности процессов коммуникации, производящих фигуративные сборки (хотя для самого Аристотеля они представляли собой в первую очередь иерархию совершенства родов). Речь идет прежде всего о целевой причине, или теленомии²⁷. Неочевидный результат действия очевидных процессов указывает на дифференцированность отношений, а неявный характер причины — на ее множественную организацию, результатом которой является *telos* сообщества. Причина и цель, или результат, оказываются в непосредственном соединении, взаимно обуславливая друг друга.

²⁴ Юм Д. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1965. Т. 2. С. 92–99.

²⁵ Лейбниц Г. В. Переписка с Кларком // Лейбниц Г. В. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1982. Т. 1. С. 440–441.

²⁶ Аристотель. Метафизика. Ростов н/Д : Феникс, 1999. С. 12–15, 430.

²⁷ Mayr E. Teleological and Teleonomic, a New Analysis // A Portrait of Twenty-five Years. Boston Studies in the Philosophy of Science. Dordrecht ; Boston ; London : Reidel, 1985.

Позитивистское, картезианское мышление предполагает линейную связь от прошлого к будущему, а причины полагает очевидными — находящимися на том же уровне взаимодействия, какому принадлежат как участник, так и результат события. Понимание множественной природы ведет к другой точке зрения: форма и содержание результата события создаются в той мере и в том качестве, в каком локальный участник взаимодействует с процессами и участниками более общего характера на внешних уровнях гетерархии. Такие параметры причины, как «что», «из чего», указывают на локальный уровень гетерархии; а «откуда», «ради чего» — на общий.

Локальное преломление типичных форм ведет к различным эффектам. Типы процессов, или форм коммуникации, достаточно ограничены, разнообразным является локальное распределение процессов и участников. Локальность и общность процессов предполагает не только их пространственные характеристики, но и возможность их обратимости и необратимости. В ходе необратимого времени общие процессы заранее определяют статистическое группирование результатов локальных событий и поддаются частичному определению путем сравнения состояния локальностей. Множество разнородных локальных реакций, перманентно собирающих новые сборки отношений, в свою очередь, постоянно изменяет составляющие части пространства организации общих процессов.

Однако, статистически образуя общие процессы, локальные сборки не в силах остановить вал событий. Они прекращают общие процессы, изменяя текущие локальные реакции на разных уровнях взаимодействия. Нет онтологически разделенных макромира и микромира — это разные состояния одного и того же. Реконструкция какого-то процесса или события не приведет к линейной сюжетной истории, в которой основное содержание передавалось бы по цепочке от одного участника к другому. Общие процессы не выводятся из суммы локальных, скорее, разные уровни гетерархии соответствуют друг другу, одновременно реализуя массовые статистические и индивидуальные субъектные качества.

В зависимости от локализации интенсивности, процессы обладают разной скоростью и охватывают разное количество участников. События образуются, появляются и исчезают одновременно как в настоящем, так и в будущем. Будущее, как и прошлое, одних участников является актуальным настоящим других. Локальные различия общих процессов не позволяют свести их анализ к описанию родов бытия или любой другой сущности. Одновременное совмещение общих и локальных уровней описания, «точка зрения Бога», с которой все едино, всегда будет ошибочной, поскольку упустит сложность — динамику пространственного и временного размещения процессов.

Подобная организация каузальных связей исключает возможность статичной структуры, внутри которой зафиксированы значения, выполняющие функцию скелета смысла. Сборка экстернорных отношений формирует фигуру гетерогенной машины, а не централизованного скелета²⁸. Каждый аспект машинной сборки связан с окружающими его сборками соседних систем, чья коммуникация с ним является переменным эффектом. Интенсивность эффекта в рамках какой-то сборки не только определяет качество или количество взаимодействия, но и указывает на консистентность (согласованность) типичных процессов и множества локальных порядков.

Разные степени и формы согласования ведут к различным эффектам, рассеивая и концентрируя динамику коммуникации. Анализ проявления такого эффекта не предполагает ожидания внезапного чуда или заранее заданного функционального результата. Сходство форм коммуникации позволяет вывести набор соответствий, характерных для сборки того или иного типа конкретных, институциональных форм. Нарушение работы сборки, изменение интенсивности производимых ею эффектов являются симптомами, указывающими на другое распределение отношений и образование новых фигур. Основываясь на симптоматике эффектов, реорганизуются формальные и риторические инструменты

²⁸ *Guattari F.* Molecular Revolution: Psychiatry and Politics. New York City : Puffin, 1984. P. 111–119.

анализа, и сложность организации получает адекватное видение своей динамики.

Ввиду этого содержание понятий и аналитических моделей, используемых для описания политических, экономических процессов и событий, не может замыкаться на субъектной и дисциплинарно разделенной форме знания. Общественные процессы характеризует цветение сложности, определение которой удается только в синтетических формах анализа, чья категориальная сетка понятий зависит от свойств и динамики изучаемых объектов. Содержательно такие описания концентрируются не на обосновании идеальных предметностей научных дисциплин, а на создании перекрестных, множественных систем значений и отношений, которые следуют из реальной практики. Объект и предмет, а равно и языки описания различных наук суть события, становление и изменение значений которых никогда не прекращается²⁹. Событийный характер научных объектов заставляет науки постоянно вопрошать о собственных основаниях, соразмеряя воображаемую идеальную предметность с наблюдениями реальности. Они образуют временные и пространственные протяжения различной интенсивности и масштаба, отношения частей и целого которых меняются в зависимости от локализации исследуемых аспектов и позиции наблюдателя, составляя при этом общий сложный объект — сообщество.

Для методологии любой научной дисциплины определяющим является план консистенции, или структура, форма измерения объекта. Объекты, исследуемые науками, одни и те же, но множественность их организации делает необходимой множественную организацию самих дисциплинарных предметностей. Условно говоря, для того чтобы понять свойства плоского двумерного пространства, нужно наблюдать его из объемного трехмерного, а полнота свойств трехмерного пространства открывается из четырехмерного, с добавлением процесса времени и т. д.³⁰ Чтобы понять

²⁹ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М. : Ин-т экспериментальной социологии. СПб. : Алетейя, 1998. С. 32.

³⁰ Ruyer R. Néo-finalisme. Paris : PUF, 1952. P. 80–117.

объект в меньшем масштабе и вариативности связей, нужно наблюдать его из большего масштаба и вариаций отношений. Однако это требует понимания множественной природы общества и поиска соответствующих методологических инструментов сочленения разных дисциплин.

Закономерности общественных (экономических, политических, философских, исторических) наук являются переменными, которые складываются коммуникацией гетерогенных отношений множества участников, реализующих себя статистическими элементами и одновременно проявляющих свои относительные субъектные свойства. Дисциплинарное разделение наук по отдельным аспектам общества нуждается в дополнении синтетическими описаниями, интегрирующими «идеальные» закономерности в модели типичных и конкретных систем отношений. Начинать можно отовсюду, поскольку объекты, трудноопределимые с одной точки зрения в рамках отдельной дисциплины или раздела знания, требуют аналитических инструментов смежных дисциплин. Соответственно, оказываются доступными возможности организации этих объектов как фундаментальным, так и прикладным знанием.

Различия в локальном расположении при общности типов социальной организации позволяют создать общие методы анализа общества и синтеза различных вариантов его описания. Если признать подобие организации (как институционального объединения людей) и процессов организации (как временной последовательности и пространственного размещения событий), окажется возможным отойти от имплицитно предполагаемой модели гомункулуса, причиняющей столько страданий всем социальным дисциплинам в их попытках приблизиться к строгости науки. Модели идентичности, в виде тождества рациональных целей и культурного смысла, здесь противостоит модель виртуальных вариаций отношений и тел. Это не означает создание новой *mathesis universalis*, но предполагает единство знания об обществе среди разных наук.

Что не будет возможным — это построение некоей симметричной, гомогенной социальности, равной и тождественной самой себе во всех аспектах, организуемой по заранее финализированному

плану. Централизованная организация пространства искажается, представляя в виде скопления, а производимое смещение отношений ведет к появлению множества локальных центров интенсивности и динамики коммуникации. Неравномерность самоорганизации неизбежна, но предсказуема, что облегчает управление ею, при должном такте со стороны управляющего. Несмотря на неравенство структуры сообщества, есть все предпосылки для создания общих правил его организации и развития, хотя конкретное исполнение в жизни реальных людей будет необходимо различаться в зависимости от их локализации. Наличие правил образования сообщества и открытость созданию новых сборок делает общественные науки подобием прагматичной грамматики, а структуру общественных отношений — подобием открытой периодической системы элементов. Вполне вероятно, что когда-нибудь такая модель социального знания в каком-то виде будет создана и использована.

А. В. Логинов

Трансформация идеологических систем

7 ноября 2012 г. в ИСПН УрФУ при участии уполномоченного по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзляковой прошел круглый стол. Тематика круглого стола была посвящена новой национальной идее; в задачи круглого стола входило обсуждение возможных вариантов наполнения ценностного ядра новой российской идеологии. Основные допущения, разделяемые большинством ученых, выступивших на круглом столе, заключались в том, что: 1) никакой идеологии в современной России сейчас нет; 2) любая идеология должна быть связана с государственными структурами и быть тотальной (в смысле — претендовать